

Хуана Бездомная

Дефрагментация

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хуана Бездомная

Дефрагментация

«Автор»

2026

Бездомная Х.

Дефрагментация / Х. Бездомная — «Автор», 2026

Что, если ваша память — это чей-то спа-салон? В городе Эдене все продается и все покупается. Даже воспоминания. Богатые клиенты погружаются в чужую пастораль — запах трав, тёплый свет, деревянные полы. Но даже в самых отлаженных системах случаются сбои, и вместо обещанной пасторали клиент (назовём его мистер Файн) получает возмутительную сцену насилия. Конфликт улажен, но мелькнувшее в зеркале лицо женщины не даёт ему покоя. Джоанна Райт — офисная рабыня второго уровня, которая никогда никого не подводила. Однажды вечером, в момент, когда она должна была продать себя инвестору за карьерный лифт, рядом с ней хлопает пробка шампанского — и она умирает чужой смертью. Девушкой по имени Ляля, под дронами, в деревне, которой нет на карте. Роман о том, как в мире суррогатных связей подлинность становится самым дорогим товаром. О боли, которая продаётся и покупается. О памяти, которую можно извлечь, продать и пережить — но нельзя полностью уничтожить.

© Бездомная Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Хуана Бездомная Дефрагментация

Глава 1

[Открываю архив. Выбор папки: Антистресс.]

[Выбранные теги: #пастораль, #за куполом, #красивые женщины.]

[Автоперевод: не требуется. Файл: случайный выбор.]

[Запускаю мемори-файл, пожалуйста, не отключайте электроды. Приятного просмотра.]

«Темно. Но это не хмурая тьма какого-нибудь подвала или тюрьмы. Темно по-уютному, как на фото в цветах сепии или потемневших от времени картинах. В просвет под низким потолком сочится тёплый тусклый свет. Пахнет деревом и пряно-сладкими травами.

Слышатся неровные шаги и чей-то глубокий хриловатый баритон. Поёт с чувством, неспешно, до предела растягивая ноты:

— Мы на ло-одочке-е ката-ались... золоти-истой... золото-ой... Не гребли, а-а-а... целовались...

Шаги приближаются. Напряжение растёт, а нелепая песенка летит быстрее:

— В лесу, говорят, в бору, говорят, растёт, говорят, сосё-онка... Где же ты, голубушка моя? Вот как я тебя найду... да поцелую без отрыва сорок раз!..

В темноте, куда не доходит скудный лучик, слышится сдавленное сухое дыхание нейродонора, которому принадлежит эта картинка.

Её страх перед этим голосом уже лезет под кожу того, кто смотрит сейчас её глазами.

«Что за нахер? Куда я попал?» — мелькнула мысль, но тут просвет закрылся, а пряный травяной дух сменился горьким перегаром.

— Вот мы где!.. Иди-ка сюда!..

С грохотом обрушивается всё впереди донора — доски, ящики, мебель. За ними вырастает тёмная фигура с нечёткими очертаниями. Ясно только, что большая... Под блестящим широким лбом густые брови, а из-под них взгляд — что каменная плита...

Короткая схватка. Пальцы впиваются в плечи. Встряска, мешанина в глазах: стены — пол — потолок...

В какой-то миг в глаза бросилось настенное зеркало, а в нём — женское лицо, красивое и молодое, с измученным взглядом...»

Находиться в этом дальше было просто невозможно!

Он с ожесточением сорвал с висков электроды один за другим. Картинка пропала, а на её месте появилось шоколадное лицо ассистентки мемори-салона.

— Всё в порядке, мистер Файн?

— Да ни черта не в порядке! — отталкивая услужливые руки в перчатках, он самостоятельно освободился от оставшихся датчиков на руках и ногах, кипя праведным гневом. — Что вы мне подсунули? Я же предупреждал: мне вот это всё не нужно. Я не по этой части...

— Что не нужно, простите?

— Грёбанное насилие, — названный Файном бодро соскочил с кушетки. — Мне этой гадости и на работе хватает, неделями отхожу... Понимаете, мисс — фрау — вы — они, не знаю, как к вам, к ним обращаться... Короче, я не для того сюда хожу, чтобы мне пихали в мозг подобное дерьмо... Вы *это* называете антистресс? Что же тогда... — он проглотил ругательство, — ...по-вашему, стресс?!

— Очевидно, произошла какая-то ошибка, мистер Файн, мы обязательно разберёмся.

Оттенок лица сотрудницы из горького шоколада стал молочным, очки запотели.

Уже в коридоре Файн слышал у себя плечом увещевания администратора:

— Мы очень внимательно относимся... Вы, как наш VIP-клиент... Нейро-файл, который вы посмотрели, находился у нас в антистрессовой папке, под тегами «деревня», «пастораль»...

— Охренительная пастораль, дайте две!

— Мы обязательно разберёмся с донором нейро-контента, который... которая...

— Причём здесь донор! Надо просматривать контент хотя бы на перемотке, прежде чем лепить теги, знаете ли!

— Вы совершенно правы, мистер Файн...

Не слушая более клятвы администратора навести порядок, не вникая в обещания невероятных скидок и мысленно плюя на униженные извинения шоколадной ассистентки, Файн шагнул в лифт и поднялся на добрых сорок этажей до аэропарковки на крыше небоскрёба.

Аэромобиль встретил хозяина приветственными звуками «Вальса № 2». Дружелюбный электронный голос сообщил о погоде и состоянии аэробана и предложил установить маршрут.

— Домой... Хотя нет, давай лучше немного полетаем.

— Кажется, вы расстроены?

— Нда... ненадолго оказался в чужом кошмаре... И чёрт, я бы лучше вернулся в свой собственный...

— Движение начинается, не отстегивайте ремни, не открывайте двери и окна до полной остановки, — сообщил голос.

Машина приподнялась и выплыла на аэробан. В отполированных до абсолютной прозрачности стёклах отразилось смуглое задумчивое лицо темнокожего молодого мужчины с прямым, немного широким носом и миндалевидными глазами. Отблески неоновых лент, окаймлявших трассу, бросали яркие блики на его резкие скулы, сжатые крупные губы, завитки белых прядей, рассыпанные в густой чёрной шевелюре, превращая отражение в пульсирующую голограмму. Давно наступила ночь, и город был весь опутан светящейся цветной паутиной многоярусных воздушных путей.

Пассажир рассеянно глядел сквозь стекло на огромный гигаполис, сотканный из сверкающих небоскрёбов, гладких аэробанов со снующими по ним аэромобилями и скай-байками, из вечного людского гула, гудения машин, запахов дыма и дешёвой еды. Вдоль горизонта, с трёх его сторон, словно исполинской рукой была прочерчена строгая линия с возвышавшимися над ней силуэтами турбин — Великая стена с интегрированными в неё приливными электростанциями, защищавшая Эден от неумолимо наступающего моря.

За бортом проплыла гигантская, похожая на перевёрнутый гроб, башня Эденрата — совета полиса. На большом экране, растянутом на всю высоту здания, транслировалось последнее выступление главы Совета цивилизации, объединявшего три полиса — три последних её оплота:

— Граждане Эдена, Хортуса, Элиона! Я с гордостью сообщаю вам, что, наконец, смонтирован и запущен последний, южный, сегмент защитного купола... Теперь каждый из нас может спать спокойно! Напрасно эти проклятые дикари, эти меренсы точат на нас свои ядерные стрелы, прячась по своим угрюмым лесам!.. Наши верные союзники, я бы даже сказал, друзья из Утремера...

Гулкие отголоски речи с экрана постепенно растворились в полифонии городского шума. Мистер Файн ехал и думал вовсе не о сложности современной ему международной обстановки. Он тихо размышлял об увиденном.

Что это было за место? Какой-то загородный домик? Где он находится — и, что немало важно, когда? Что за людей он увидел? Молодая женщина, которая отразилась в зеркале, — это ведь она была донором. Это ведь её дурные воспоминания так неудачно попали в папку «Антистресс» для состоятельного клиента Питера Файна, про которого ясно было, что он никакой не Файн, не Питер и даже не Петер, а такой человек, чью личность лучше не выяснять. Поме-

щение, в котором он оказался, попав внутрь чужого опыта, явно было не здешним. Слишком уж разнились запахи, освещение, текстуры с окружающей реальностью. Как и нездешней красотой было красиво то лицо в зеркале.

Или это всего лишь фейк? Фантазия ИИ, имитация запретного контента? Запретного не по причине насилия — его в любых видах повсюду крутят, хоть целыми днями смотри — не пересмотришь. А из-за запаха полевых трав, тёплого света, деревянных полов — вот этого всего, не такого, как в Эдене, созданном из искусственного камня и новейших полимеров.

Вряд ли это подделка. «Голден Мемориз» — контора серьёзная, репутацией дорожит. Недовольный клиент ещё не добрался до дома, а ему уже наслали кучу предложений на подписки с эксклюзивным нейро-контентом... Да и... подсунуть ИИ-шный фейк кому — *ему*?

— У вас одно важное уведомление первой степени, двенадцать второй степени... — сообщил электронный голос.

«Что им от меня надо?» — подумал с тоской мистер Файн, а вслух произнёс:

— Открыть почту.

Перед глазами возникло облако из светящихся строк. Промотав пару десятков их движениями зрачков, он нашёл то самое письмо, первой степени важности. В нём содержалось приглашение герру Кайто Штольцу прибыть на собрание совета директоров компании «Ланце» в 23:20. Приглашение, от которого невозможно отказаться. При нём — скупая заметка от отца, переславшего письмо, что дед, мол, не в духе, что да, уже поздно, и он, Кайто, имеет право прибыть в любом состоянии — хоть без штанов, но опаздывать нельзя.

«Вампиры и гоблины — ночные существа», — отметил про себя Кайто и взглянул на цифры в углу светящегося полотна.

23:10.

«Вот и покатался»...

Дать команду смены курса. Сосредоточиться. Хорошо, что к этому совещанию он готовился ещё на прошлой неделе. Хорошо, что он трезв (почти). Хорошо, что штаны на нём, и это дорогие штаны, в которых не стыдно показаться на глаза суровому деду. И вообще, куда как хорошо быть сейчас здесь, в новеньком «Проционе» последней модели, а не там, внизу, на провонявших бедностью улицах, среди серых толп простолюдинов, с их морально устаревшими наземными авто и синтетическими куртками, купленными на распродаже.

Аэромобиль проплывал мимо гигантского парящего куба с экранами на всех его гранях, где менялись лица и надписи.

«...Собери свою идеальную подругу! Базовая комплектация включает три классических разъёма для взаимодействия. В эконо-варианте можно выбрать любые два из трёх... В каждом варианте вы бесплатно получаете набор контекстных пакетов на все случаи жизни. Выбери любой уровень образования для нескучного общения. Новый модуль «готовлю как мама». Пакет навыков «робомедик» — для пенсионеров со скидкой. Найти свою любовь никогда не было так легко. «Ланце-киберсинтез» — пожалуй, лучший друг человека».

Кайто невольно вспомнил юность и усмехнулся. Такой конструктор ему дарили на совершеннолетие, ещё до выхода продукта на широкий рынок. Наигравшись, он всё обнулil, закачал пакеты: «готовлю...» и «робомедик» — и сдал «первую любовь» в волонтерский центр...

И вновь в мозгу шевельнулось упрямое:

«Интересно, та женщина из файла жива? Получается, она где-то здесь, в Эдене? А вдруг ей сто лет?»

Найти человека, не зная ни имени, ни статуса, ни возраста, не располагая даже мутным снимком лица с какой-нибудь камеры (мемори-файлы передаются от сознания к сознанию, и невозможно вытащить из них данные без искажений) — что тут особенного?

Нет ничего невозможного для внука всемогущего Герберта Штольца. Если, конечно, он — этот внук — сейчас не опоздает на совещание.

Аэромобиль грациозно, словно дельфин, нырнул вбок с аэробана и, спланировав вниз, к другому уровню, филигранно встроился в поток, двигавшийся в сторону Эден-Сити.

«— Ляля, Лялечка! Погода портится!

Ласковый голос зовёт её, Лялю, домой. Бдит бабушка, хоть с кухни и не выходит. Хоть внучке уже без малого двадцать лет! А за ней бдить не надо. У Ляли вдохновение, у Ляли пленэр.

А погода-то и правда портится. Тучки на солнце набежали.

Или это не тучки...

Ляля отвлеклась от рисования, сунула кисть в банку, отёрла тряпкой испачканную ладонь. Глянула на небо. И увидела — стальной железный рой, такой громадный, что закрывал собой солнце.

— Баб Мань! Бабуль, в подвал срочно! Дроны!

...И вот Ляля, оглохшая, онемевшая, почти ослепшая от крови лежит на носилках и глядит с них на землю, а на земле — накрытое тело. Где стоял бабушкин домик, теперь было месиво из поломанных досок. На месте уютного дворика с Лялиным мольбертом, на месте ягодных кустов, огорода — одна сплошная воронка. И Ляля медленно поднимается над этим и видит всё как будто бы сверху, и думает, что зря не успела потаскать, как детстве, горошка. Нарвала бы, да потом стояла, вгрызаясь в спелую зелень стручка, а сами горошинки зажав в кулаке на заедку...»

Джоанна Райт резко села на кровати и только потом открыла глаза.

Приснится же такое. Нет, ей и раньше с завидной регулярностью снились какие-то неведомые страны, уютные малоэтажные города, окутанные благоухающей зеленью, флажки с нарисованными птицами, улыбающиеся люди. Даже когда люди снились в шлемах и камуфляже, они всё равно улыбались ей так приветливо, будто что-то хотели продать.

Но то были сны, в целом, позитивно окрашенные. А вот сегодня приснился жутчайший кошмар про какую-то девушку, которая, очевидно, погибла. Война на Лимесе давно завершилась, от меренсов отгородились силовым полем. Можно спать спокойно. Но нельзя ложиться спать с таким непроработанным ужасом. Надо сегодня же попасть на приём к своему психологу.

Джоанна умылась струёй прохладного искусственного пара, воспользовалась облучателем для полости рта, достала из маленького, похожего на чемодан, холодильника упакованный стаканчик воды. Выпила его медленно, чувствуя, как ломит от холода зубы. Причесала густые волосы, подстриженные по последней моде слоями, и окрашенные в ровный белый цвет. Густо нанесла специальный спрей, после чего шевелюра приобрела сочный медовый оттенок. Надела рабочий строгий костюм, аккуратно сложила пижаму и заправила постель. Можно выходить. Еду она купит и съест по дороге.

В съёмной каморке нет кухни, завтрак не приготовишь. Зато есть неработающий телевизор во всю стену. Есть сломанная кровать, в пустую раму которой вложен дешёвый надувной матрас. Есть шкафы и тумбочки, наглухо забитые хозяйским добром. Джоанна хранила свои немногочисленные вещи на открытых местах и отдельно стоящей вешалке. На комод под телевизором лежал допотопный ноутбук. Девушка лишь ненадолго задержала на нём взгляд, особенно на приклеенной к нему бумажке со странной надписью от руки, содержавшей, очевидно, путь к какому-то файлу.

Однако ноутбук был не её, надпись, очевидно, тоже предназначалась не ей, так что нечего и нос совать в чужие дела. Квартирная хозяйка доверяла Джоанне, и Джоанна её ни разу не подвела. Она вообще никогда никого не подводила. Оттого и трудилась за гроши в небольшой конторе, производившей образовательный контент для госнужд.

Контора была на непрестижном втором этаже — единый низкий зал на человек двадцать сотрудников; руководство сидело там же, за перегородкой из прозрачного пластика. Джоанна прошла через полупустой зал, села на своё место, тихим голосом включила интерактивный рабочий стол, заменявший всю периферию. Над столом поднялась проекция экрана.

Понемногу подтягивались другие сотрудники. Тим, к которой относилась Джоанна, состояла из четырёх женщин разного возраста и пухлого юноши лет сорока — сорока пяти. Команда создавала развивающие квизы для дошкольников. Мисс Райт писала сценарии и вопросы. То есть, их как бы писала Файги — тимлид, но всё было устроено слишком сложно, так что по факту эту часть выполняла Джоанна. А ещё Файги любила помогать другим тимам, и её душевная щедрость также добавляла Джоанне работы.

Содержание целой команды обходилось государству на целых 7 процентов дешевле, чем приобретение коммерческого пакета ИИ-ассистентов на четыре рабочих места. Это всё, что можно было сказать о зарплатах на втором уровне. Это знала и Джоанна, но делала вид, что не знала. Её коллеги и руководство поступало так же.

Файги уже пришла и теперь стояла со стаканом кофе аккуратно у рабочего места Джоанны, оживлённо коммуницируя с парой других тимлидов. К ним вскоре присоединилось и подошедшее руководство. Мисс Райт, как и все прочие, знали и называли его непременно Патрик, безо всяких приставок и формальностей. Ничего иного про него Джоанна не знала, кроме того, что его ручная подпись до крайности неразборчива, а электронная вечно не цепляется. Молодой, невысокий и рыхлый, он всегда улыбался, а его круглое розовое лицо в сочетании с белыми от природы, торчащими как пух, волосами напоминало Джоанне о клубничном латте.

Этим утром Патрик был веселее обычного, да к тому же не с пустыми руками.

— Посмотрите, я купил себе новый костюм! — сообщил он, остановившись, так же, как и все, у джоанниного стола.

— Обосраться и не жить, какая красота! — восхитилась Файги, любуясь. — Джоанна, ты только посмотри, какая красота! — та послушно кивнула. — И где брал?

— Только что в «Эйре»!

— Да ты что, там же так дорого!

— Триста кредитов, и это со скидкой!

— Как элегантно, выглядит дороже!

— Надеюсь на это, милая, повод есть!

— А что за повод?

— Сегодня к нам придут из департамента и приведут инвесторов!

Весь этот диалог Джоанна пропустила бы мимо ушей, если бы вдруг не прозвучало её имя.

— Мисс Райт! Вы сегодня останетесь, ведь да?

Джоанна смешалась. Хотя бы потому, что вот уже полгода Патрик называл её не иначе, как «новое лицо», а тут целое «мисс», да по фамилии...

— Простите, Патрик, я не нарядная...

— Да полно, Джой, встаньте-ка, — Патрик в пару секунд оценил неловко поднимающуюся из-за стола стройную фигурку в аккуратном синем костюме. — Даже очень хорошо — у нас с вами будет парный лук.

— Могла бы и похвалить, — шепнула Файги, когда он пошёл в свой стеклянный загон.

— Костюм?

— Да Патрика! Как ты не понимаешь, он *твоё* одобрение ждал — не моё...

— Я поговорю об этом с психологом...

— Вот и поговори... — кивнула Файги, и, уходя, прибавила тихо и беззлобно, — Дурочка!

Джоанна, между тем, подумала, что с такими планами руководства она вряд ли сегодня попадёт на приём. Цепкие лапы паники, не отпускавшие с самого пробуждения, успели изрядно её измотать.

Не пойти нельзя. Или пойти, но быть не вовлечённой в общее дело — тоже не вариант. Иначе это будет пятая работа за последние полтора года, которую она потеряет из-за своих никому не нужных принципов. А по новостям как раз анонсировали очередной кризис и вал безработицы.

Кто сказал, что жизнь ломает? Жизнь воспитывает — пусть иногда и мордой об стол.

Гости, разумеется, приехали сильно позже окончания рабочего дня. Громадные, с раскатистыми хохочущими голосами, в мятых и до неприличия дорогих костюмах, они явно принадлежали к высшей прослойке Эдена.

Итак, их было трое. Старика из департамента Джоанна уже как-то видала. Двое других: с седой львиной гривой и рыжий с бородкой, помоложе, — наверное, и были пресловутые инвесторы. Последний буквально с первых минут прилип взглядом к Джоанне, и она уже в общем примерно знала, о чём будет этот деловой вечер.

Если в деталях, то пока седой лев с департаментом горячо спорили о том, что вставлять, а что не вставлять в образовательные приложения (причём Патрик умудрялся соглашаться с ними обоими), пока Файги пыталась не тушкой, так чучелком влезть в их компанию, бородатик Мэтт (как он назвался, а вероятнее, что по рождению он был Маттиас, как селёдка, потому и Мэтт), размякнув с мальтезера, устал делать вид, что ему интересно расспрашивать Джоанну, что да как там всё у них за морем, в Утремере. А Джоанна устала говорить о том, чего, как оказалось, она вообще не знала:

— Как-как, ногами ходят, ртом едят, руками жопу моют, — ей было уже абсолютно всё равно, как это прозвучит из уст нежной девицы в синем костюме. — Только водой, а не как здесь — дымом и паром, как туземцы в пустыне...

Мэтт заржал, и другие, кто это слышал, тоже. Слово «жопа» попало точно в целевую аудиторию. Проржавшись, Мэтт плюхнулся с Джоанной на руководительский диван и, сгребя в охапку, приник головой к её плечу.

«Сейчас начнётся: ты такая, не такая...»

— Ты такая — не такая как все, понимаешь? Такая... свежая... яркая, классная...

«Щас: меня никто не понимает...»

— Ты меня понимаешь, Джулия? Никто не хочет меня понимать...

— Я как бы Джоанна...

— Пардон, обздался, какое прекрасное имя!.. Как и его обладательница...

А между тем утомлённый словесной мишурой мозг Джоанны вёл свой унылый отсчёт:

«Теперь позовёт трахен-махен...»

— А давай со мной... в один клуб поедem, там закрытое мероприятие, только для своих? М? Спорим, ты там многое для себя откроешь.

Джоанна молчала, думая, как максимально естественно слиться сейчас. Объявить себя альтернативно ориентированной? Сослаться на «эти дни»? Выйти в туалет и там повеситься?

Такое случалось и раньше, когда она трудилась помощником консультанта в социальной службе, нянечкой в детском саду и даже администратором в ресторане для животных! Отказать прямо — и прощай, перспективная работа, прощай, хороший старт?

Казалось бы, все так делают — ходят в эти клубы парами, компаниями... Мало того, приезжим в Эдене прямо и настоятельно рекомендуется разделять ценности горожан, участвуя в массовых мероприятиях на своём социальном уровне. Ну почему нет? Этот хоть не стар, богат и на вид неплох.

«Да что со мной не так?»

И сама ответила себе — уже вслух:

— Я, похоже, недостаточно выпила.

Слово дамы закон, особенно если дама требует выпить.

Не прошло и пяти минут, как в окно постучался дрон-доставщик, гружёный дорогим шампанским в стеклянных бутылках, оформленных под старину. Патрик, будучи хозяином вечера, сам принялся возиться с фольгой и пробкой, вполголоса ругая неудобство винтажных бутылок. Джоанна обречённо глядела на пустой бокал в своей руке, думая, что вот оно, счастье: сейчас она напьётся, поедет с этим рыжим, куда он там хотел, и ка-ак стартанёт на социальном лифте...

Раздался резкий хлопок вылетающей пробки — и в глазах потемнело.

«Ляля, Лялечка!»

Джоанну парализовало от ужаса. Бокал выпал и со звоном разлетелся. Чьи-то руки схватили её за лицо — она уже не видела, кто это был. Плотной стеной обступили голоса, кричавшие на незнакомом языке.

«Это я — Лялечка, это я там погибла... Оставьте все меня в покое, я просто умираю... Я уже умерла».

Глава 2

Зал, в котором дед проводил свои совещания, был любимым у Кайто. Здесь всё было настоящее, основательное, олдвое. Дерево — много потемневшего от времени дерева, — кожа, перламутр, сукно и шёлк. Сколько же невозобновляемых ресурсов истратили ради этой красоты, аж дух захватывает! Мраморные колонны по углам, мозаика на полу, позолота. Особенно Кайто нравились старинные часы, встроенные в деревянный шкафчик. В детстве он мог подолгу следить за тем, как движутся стрелки, цепи с гирями, находя в них какую-то надежду: ведь как бы далеко не удалялась стрелка, круг всё равно замыкается, и всё начинается заново. В часах виделась ему непостижимая гармония бесконечного движения, а все говорили: у ребёнка расстройство аутического спектра.

Вот и сейчас, сидя за одним столом с выдающимися людьми цивилизованного мира, Кайто Штольц просто глядел на эти часы, отсчитывая секунды, когда длинная стрелка достигнет максимальной точки и раздастся бой.

Два удара, два часа. Древние называли это час Быка — самое тёмное время суток. Нечисть в такую пору особенно активна. Не стоит им мешать, лучше просто понаблюдать за ними.

— Куда смотришь, Кайто? О чём ты думаешь? — сурово обратился к нему старый Штольц.

Любой, кого бы он спросил *таким* голосом, тут же помер бы от страха. Но не он, Кайто. Не потому, что наделён каким-то особым мужеством. Просто он не знает, или не помнит, как ощущается страх, да и помереть ему не так-то просто. То есть условия для его гибели ещё надо создать, и это точно должно быть нечто похуже, чем строгий голос Берта. И да, Кайто не мог думать об этом человеке как о своём деде, потому что он им не был.

— Красивые часы, — бесцветно ответил Кайто.

— Всё это время ты думаешь о часах? Ты не слушаешь?

— Слушаю.

— Докажи: повтори, что было сказано?

— Когда именно?

Берт Штольц едва не вспыхнул, но сдержался, хотя и с видимым трудом. Не хочет показывать гостям, что он просто живой человек, который зол на собственного непутёвого внука. Даже смешно, насколько и это тоже неправда.

Между тем, старик улыбнулся хитро — не дать ни взять Санта собственной персоной с вечным вопросом: «а ты был хорошим мальчиком?»

— Да вот... Четверть часа назад, Кай... Что было сказано?

— «Хвост виляет собакой».

Именно это сказал Герберт своему самому близкому поверенному, Магнусу Ханцу, одними губами сказал, чтоб партнёры из Утремера не слышали. Не надо им было этого слышать.

Багровеет дед. По ходу, давление. Хоть и выглядит бодрячком — лет на шестьдесят, но в реальности ему раза в два больше. Вероятно, он выглядел примерно так же, когда делёжка этого несчастного мира только начиналась. Вот даже отец Кайто, родной сын Берта, куда старше смотрится со своими пропитыми щеками мастифа.

— Это всё чип, — изрёк, наконец, Герберт Штольц.

— Да, чип помогает мне лучше слышать и запоминать. Спасибо, дедушка...

— Нет, *твой* чип способен только на то, чтобы генерировать всякую ересь.

— Позвольте! — подал голос заморский партнёр. — Речь ведь не идёт о чипах в той партии андроидов, которую вы нам собираетесь продать?

— Нет, мистер Коэн, разумеется, нет: это был первый пробный экземпляр, первый блин, так сказать, комом. Версия «Джейсон-5.1.2», которая установлена на вашей будущей партии — там всё в порядке, все ошибки исправлены как нельзя лучше. — Берт оживился, будто поймав музу рекламы за локоть, — Это же моя жизнь, моё детище! Видите, даже внуку вживили. Это всё равно хороший результат, отличный! В детстве он был — не поверите — овощ овощем. Нейро-импланты очень хорошие, господа, сами себе поставьте: гарантируют полное излечение и омоложение!

Заморские партнёры принялись совещаться, многие даже встали ради этого со своих мест. Дед тоже о чём-то вполголоса говорил с Магнусом.

— Мы хотим завтра же посетить производство, — сказал мистер Коэн. — Всё-таки посмотрим сначала на этих джейсонов. Но пока мы туда не добрались... можно нам?.. Как бы выразиться?

Глава делегации отчаянно жестикулировал, будто собирая руками разбежавшиеся непослушные слова.

— Что? Что?

— Пусть он ещё поговорит, — сказал Коэн. — Например, назовёт... не знаю... все цифры числа Пи.

— Я их не помню, поскольку никогда не интересовался, — честно ответил Кайто. — А в сети искать лень.

— Тогда просто повторите моё вступительное слово — я сам знаю его наизусть.

Кайто исполнил.

— Что ещё вы можете? — утремерец едва ли не в ладоши хлопал в ожидании новых фокусов.

Молодой человек вопросительно взглянул на деда — тот кивнул. Кайто поднялся, расправил плечи и с лёгкостью сделал сальто в несколько оборотов. Но тут же понял: не того ждут от него заморские партнёры. Пожав скудный урожай из жидких хлопков, он подошёл к одной из колонн и спокойно впечатал кулак в мрамор по самую манжету рубашки. Мрамор раскрошился в точности так, как крошится цельный мрамор, а не какой-нибудь гипсокартон. В колонне осталась полукруглая белая выемка.

Среди воцарившейся гробовой тишины он развернулся и чеканным, нечеловеческим шагом направился к изумлённым гостям.

— Ещё я могу поджечь кого-нибудь из вас, если хотите, — вежливо предложил Кайто, и на кончиках пальцев его заиграли оранжевые лепестки. — Не хотите? Жаль, могли бы заодно протестировать наш новый ожоговый пластырь-лоскут с имитацией человеческой кожи от «Ланце». Идеальная приживаемость, не так ли, отец?

Фитцроберт Штольц, возглавлявший медицинскую часть компании, нерешительно кивнул.

Поскольку гости не захотели поиграть с ним в «бал у безумного короля», Кайто скуки ради подпалил тяжёлую бархатную штору. Ткань задымилась. Запищал датчик. Весёлый искусственный дождик пролился с потолка на всех и вся, что было в зале. Совещание внезапно подошло к концу.

— Это дно. Полный провал, — констатировал Берт, когда утремерцы поспешно распрощались, а вслед за ними разошлись и советники, включая Кайто, Фитцроберта и прочих родственников.

— Не скажите, — отозвался Магнус, — Мне видится, что ваш внук их весьма и весьма... впечатлил...

— Кайто и есть полный провал! Как можно было потерять от него ключ?! Мне нужен полный доступ к его мозгам! Сколько лет уже вы занимаетесь ерундой, вместо того, что решать проблему!.. Найдите нужных людей, пообещайте им любые деньги! По всему миру ищите!..

Иначе миллионы, которые мы в него вложили, окончательно улетят в мусорное ведро... Кай — такой, как сейчас, — всё больше и больше отдаляется, уходит в свой мир... Скоро он перестанет быть *нашим!*

Джоанна очнулась и огляделась кругом. Функциональная койка, стены из белых квадратов, в руке катетер, рядом стойка с капельницей, холодный белый свет из прозрачной двери, а за дверью — люди. Это, конечно, не рай и не ад. Что одно, что второе точно выглядит по-другому.

Однако же её положили в отдельный бокс — аттракцион неслыханной щедрости. Со стороны Патрика... или инвесторов? И как она потом расплатится за всё это?

Видимо, в палате сработал датчик движения, потому что довольно скоро подошла робо-медик, поменяла мешок с лекарством, дала воды и каких-то пилюль. Сказала много непонятных слов на медицинском. Предложила подписать документы на светящемся экране планшета.

— У меня нет зарегистрированной электронной подписи... пока, — призналась Джоанна.

— Вы не гражданка? Я принесу сканер отпечатков пальцев. К вам посетители.

Вошёл Мэтт. На нём не было лица. Долго говорил, как ей стало плохо у него на руках, да как он её привёз, как волновался всё это время, пока она не пришла в себя. Что настоял на развёрнутом чекапе. И что всё уже оплатил и ей, Джоанне, не стоит ни о чём волноваться.

Слов было сказано много, но вопросы всё равно были — и серьёзные.

— У меня что-то нашли?

— Нет, нет, ни опухолей, ни тромбов, ничего... Только большой красивый мозг с изумительным кровотоком. Медики говорят, это паническая атака. Сокровище моё, это я виноват, я слишком напирал... Мне не стоило...

— Сколько я должна?

— Ни сколько, ни сколочка, — для пущей убедительности, Мэтт подсел рядом и взял её за руку, — В конце концов, могу я позволить себе оплатить счёт понравившейся мне девушки? Просто так?

«Ну да, а я в грёбанном раю».

— Я всё равно отдам. Просто не знаю сумму.

— Да брось, не надо...

«Да знаю я вашу породу: за пол-цента удавятся... И это Файги говорила — не я придумала...»

— Я по документам посмотрю, сколько там вышло. Мне как раз должны их принести...

— А я их сам тогда подпишу... И ты ничего не увидишь, зая!..

И рукой так по щеке треплет. И улыбается.

«Ты чё такой довольный? В чём подвох, что с тобой не так?»

Запиликал его комми[1], и Мэтт отвлёкся на разговор, оставив Джоанну предаваться тревожным размышлениям, нужны ли ему от неё кровь, мозги, матка, мясо — или всё сразу?

[1]Общеупотребительное в Эдене сокращение от «смартком» или «умный коммуникатор»

— Звонил мой партнёр, ну, в смысле... жена. В общем, я ей про тебя уже рассказал, и она тоже очень переживает. Вас надо обязательно познакомить. Ты не представляешь, какая она понимающая женщина!..

Женат? Она не ослышалась? Всего-то? От сердца отлегло.

«О, мужик, я тебя прям люблю, нахер сходи».

Джоанна спокойно откинулась на подушки — и вдруг внутренне похолодела. Что она сейчас подумала? Где Джоанна, двукратная обладательница виртуальной медали «Заинька месяца» в одном из сообществ, могла набраться таких слов?

Живя в Эдене, она не слышала слов страшнее «говна» и «жопы» — за более крепкие ругательства здесь штрафовали нещадно. В международном языке юнилингво obscene лексика и вовсе отсутствовала.

Что за язык она вспомнила?

— Когда тебя выпишут, мы заберём тебя к себе, — продолжал Мэтт, воодушевившись её молчанием.

— В качестве кого? Питомца? — не удержалась она, и как-то само собой стал прощупываться выход, — Ну уж нет, *зая*, у меня есть гордость, и я не стану ни с кем делить своего мужчину. Лучше быть одной.

И при мысли о том, сколько там в счёте за больницу, на глаза навернулись искренние слёзы, что было весьма кстати.

Мэтт стал такой серьёзный, собранный, аж борода потемнела. Он нагнулся и стремительно поцеловал её в лоб. После этого встал и сообщил, что всё решит.

И пошёл на выход.

«Куда, с-сука, денег-то сколько?! — мысленно заорала она. — Сколько ни должна, я всё отдам, щедрые боги дали мне две здоровых почки!»

Как же невовремя и некстати в *этих* просыпается человечность. И понятно, что не надолго, и понятно, что не просто так. Это-то и пугает. Никогда — ни-ког-да! — спартанцы не были для илотов ни друзьями, ни благодетелями.

Так думала Джоанна, оставшись одна. И опять внутренне холодела, не понимая, откуда берутся у неё такие крамольные мысли.

Все горожане Эдена были равны, но некоторые, как водится, были равнее.

Например, посередке жилось неплохо. Сытый народ, немногочисленные, но весёлые дети, ухоженные старики, аэротакси, чинно скользящие по аэробанам со светящейся каймой, сады и парки, аллеи и бульвары на подвесных платформах, страховка, покрывающая медицину и образование, светлые квартиры, небо, солнце...

А в самом низу, куда почти не доходил солнечный свет и часто подтапливало...

Где роботы-уборщики и доставщики ломались чаще, чем убирали и доставляли...

Где до сих пор сновали старенькие электрокары...

Где люди цвета всех оттенков шоколада ютились в каморках без кухни, мылись без воды, носили дешёвую (или вовсе бесплатную) одежду...

Где за поход к врачу отдавали год жизни...

Где жила и работала мисс Райт, Патрик, Файги и им подобные, —

Да здесь не то, что роман или интрижка, а пол-сука-часа на коленях перед кем-то, вроде Мэтта, было — нет, не пределом мечтаний, разумеется, — а таким жизненным стартом, сродни подвигу, о котором потом с гордостью рассказывают внукам.

Ибо так начинается путь. Нет — ПУТЬ. Главное — ступить на этот путь, а уж дальше он сам тебя поднимет как можно ближе к верхним этажам, где обитают *они* — белая кость Эдена, носители цивилизации, небожители, белокожие, холёные, высокие. Патрик, Файги, да и сама Джоанна тоже как бы белые, но таких внизу меньшинство.

Белый, живущий внизу, — знак того, что у кого-то когда-то где-то что-то пошло не так...

Планшета с документами Джоанна так и не дождалась. Капельницу она остановила сама, сама же извлекла катетер (без каких-либо затруднений, будто всю жизнь этим занималась), наклеила на его место пластырь (нашла его в своих вещах, которые были сложены тут же, в палате), оделась, обулась.

Включила свой комми. Пропущенные от Файги и Кристи — это её психолог. Подошла на пост, узнала, что всё действительно уже подписано и оплачено, выяснила цену своего лечения, внутренне содрогнулась, но аккуратно записала в заметки. Попросила упаковать с собой включённый в стоимость обед, расписалась за отказ от дальнейшей госпитализации...

Всё, можно домой.

Дома она придумает, как расплатиться с долгами, как спровадить из своей жизни Мэтта и при этом не потерять работу, разберётся с пугающими снами и странными мыслями.

Наверное, разберётся, расплатится и всё прочее...

[Место: Лимес. Точная локация не установлена. Время: четырьмя годами ранее.]

Старенький жёлтый автобус ехал, позвякивая стёклами, постукивая плохо закрытыми дверями, подскакивая на каждой кочке. Водитель торопился, ведь под тёмно-серым пологом туч уже показалась тонкая полоска рассвета.

Надобно ему скорее довести весь этот люд в салоне: смуглых детишек, чисто и честно сопевших на руках, плечах, коленях своих дремлющих матерей, мужчин в камуфляже, невозмутимо спавших, скрестивши руки и запрокинувши головы в плотных капюшонах, понурых пожилых женщин, бессонным глазом следивших за молодью, будто бы пока на них смотришь — ничего вроде как и не случится с этими плечистыми бойцами, с детишками, с мамочками... Торопиться надо, добраться до места, пока солнце не поднялось, не омыло горизонт розово-алым соком, не разлило по небу яркую утреннюю синь. Не знает глупое солнце, что по этой гладко стеленной лазури, помех не ведая, придёт смерть...

В пыльное окно автобуса на каменно-серые тучи, на неумолимо желтеющий горизонт, на мёртвое безграничье высохших полей глядела девушка. Она была в простой серой толстовке с глубоким капюшоном. К груди прижимала туго набитый, с чиненной кривой молнией рюкзак на потрёпанных лямках. Одна из немногих, она не спала. Водитель иной раз поглядывал в зеркало на людей в салоне, на беженцев и солдат, и пару раз останавливал взгляд на той девчонке. Глаза уж больно синие, а сама востроносая, белая, из-под капюшона выбиваются льняные пряди. За куполом, откуда сам он, таких много, а здесь — в диковинку. И чего в самое пекло попёрлась?

Выходи — приехали.

Жёлтый автобус стал на пригорке, тарыхтя и выпуская белые дурно пахнущие облачка. Остановка заброшена, земля пылит, кругом сухая трава, а под горкой и вовсе сплошной песок. Среди того песка — одноэтажное кирпичное здание — старая-престарая больница. Кое-где виднеются остовы сгоревших домов. Всё, что осталось от посёлка, который не забрали под купол.

Вот туда, к той больнице, и надо теперь топать пассажирам. День переждут — ночью вновь поедут. Ночами хоть и прилетает, да о том ещё бабушка надвое, разглядят ли красные зенки ночных визоров силуэт транспорта, покрашенного специальной маскировочной краской. А днём-то он весь, как есть, визуально доступен. Посему автобус — ржавую жёлтую капсулу жизни — на день ставить под маскировочную сеть. И так, с остановками, добираться до самого купола.

— Тебя как зовут-то? — водитель окликнул выходящую девчонку в серой толстовке.

— Зоя, — тихо ответила та.

— Ну, Зойка, быть на этом же месте ровно в двадцать-два часа: дальше поедем.

— Я, дяденька, дальше не поеду. Тут останусь.

Водитель покачал головой. Места-то смертные, хотя вроде как не передок. Да и где он проходит теперь, тот передок, и вовсе не понятно. Или так: всё, что не под куполом — то и есть передок?

— Как же ты так-то? Может, передумаешь ещё? — прикрикнул он вслед серому капюшону, но тот уже затерялся среди спин идущих беженцев и военных.

Так и не обернулась.

Внутри здания после яркого света казалось темно. К запаху лекарств примешивался стойкий дух сырости и старых коммуникаций.

Толпа сгрудилась в небольшом холле. Девушка в серой толстовке не стала пробиваться вперёд и привлекать к себе внимание, стараясь держаться с краю.

Перед стойкой гардероба прибывших встретили двое. Невысокая крепкая женщина в серо-белом халате и косынке, с полным лицом и резким голосом, быстро разделила толпу: беженцы — налево, добровольцы — направо. Рядом с ней суеился щупленький мужчина в старой куртке, на которой серо-бежевый камуфляж уже стал едва различим.

Девушка молча протиснулась в дальний угол кабинета, куда направили добровольцев.

— Заполняем анкеты. Пишем от руки, карандаши щас выдам. Чего? Чё те дать? Планшет? Ещё чего, планшетов нет...

— Ой не ври, Раисочка, планшетов есть... — в кабинет сунулось худое лицо с седыми густыми усами.

— Помолчал бы, Макарыч! Есть, да не про вашу честь, — отрезала она. — Все в школе учились, стало быть, все грамотные. Нечего, нечего, тут вам не там... Всё бы вам в экран тыкать, разбаловали вас совсем.

Молодые солдатики, которых она так нещадно воспитывала, еле-еле выводили карандашами буквы на смятых типографских листках.

— Женьк, это был по ходу не автобус, — весело сказал один другому. — Это машина времени. «Сто лет тому вперёд», помнишь, в школе читали? Так вот на тебе — *сто лет тому назад*.

— Ты мне похами ещё, похами, — наехала на него Раиса, но не злобно, чисто для остротки.

— Тётя Рая рофл не выкупает!

Оба паренька рассмеялись детским беззаботным смехом. С ними и комендант, и даже Рая, хоть и намахнулась сперва.

Не смеялась только девушка в серой толстовке. Очень аккуратно и вдумчиво она самая первая заполнила анкету и подала Раисе.

— Зоя Александровна Корбут... Ишь ты, чё за фамилия? Ты часом не из этих?

— А какая вам разница?

— Да я ничё, — пожала плечами Раиса. — Только задарма у нас не кормят...

— Ресурсов таких не получаем, — поддакнул Макарыч.

— Делать-то что умеешь?

— Как все: стирать, убирать, готовить.

— Эка, готовить она собралась! А у тебе допуск есть, санкнижка? Чтоб нам тут готовить? Короче, работу себе ищи сама, нету у меня времени с тобой возиться. Доброволец она. Шлют кого попало, а зачем шлют? Мы таких добровольцев не просили!

— Да погоди, Раис, будет чем ей заняться, — примирительно сказал Макарыч. — У нас работа найдётся для каждого. Щас с тобой, Зой Санна, пойдём голограммы запускать, силовое поле включать, чтобы вражина по ним, такскать, бил — а нас бы не заметил. Иностранцев добровольцев вот со дня на день ждём. Языки какие знаешь?

— Знаю, в анкете написала.

Макарыч взял Зоину анкету и принялся её изучать. Вероятно, он нашёл-таки ответ на свой вопрос, и он ему не шибко понравился. Замялся комендант, а потом пообещал:

— Ну, как пленных возьмём, так сразу тебя позовём переводить.

Но Рая с ним не согласилась.

— Макарыч, ну какие пленные, у нас тут не кино. Как закончите своё, приводи её ко мне на приёмник.

Уже потом Зоя спросила у него:

— На приёмнике что будет? Раненых лечить?

— Да полно, лечить она ещё собралась. Раз уж ты с нами тут пока побудешь, осмотри тебя Раиса Сергеевна на предмет педикулёза и прочего. Порядок такой.

Меж тем, они подошли к щитку. Макарыч дёрнул один за другим три подряд рубильника, после чего вышел на улицу. Зоя пошла за ним и только охнула: здание больницы снаружи теперь выглядело почти прозрачным. Такой эффект создавался за счёт силового поля, которым, словно плёнкой, обтянуло всю больницу. Одновременно с этим на противоположном холме из ничего возникло очень похожее здание.

— Технология! — веско сказал Макарыч и добавил, — Теперь главное — тихо сидеть, попусту наружу не лазить и по птичкам этим не херачить, чтобы не выдать, такскать, своё истинное месторасположение...

— А есть чем... херачить? — переспросила Зоя, и в её устах это прозвучало вовсе не грубо, но аккуратно, как сводки информбюро.

Макарыч замялся и вместо ответа спросил:

— Зой Санна, ты алкоголь употребляешь?

Сколько надежды было в этом вопросе, однако Зоя честно помотала головой.

— Эх, молодёжь...

Тем днём смерть прилетела позже обычного. Раиса как раз осматривала новенькую: горло, зрачки, волосы. Потом велела футболку поднять, чтобы поискать всякую сыпь, желательно стыдную. Но сыпи не нашла, ни стыдной, ни другой какой. А нашла на левом боку, ближе к пояснице, длинный кривой заживший шов, да россыпь белёсых тонких шрамов на правом плече и под мышкой. И по мелочи: ссадины, синяки на руках и предплечьях, как у мальчишек после драки. Приздумалась Раиса, а из-под густых вечных её ресниц на Зою хлынули потоки бабьей жалости самого что ни на есть унижительного толка. Мол, как мне ни плохо, а тебе и того хуже пришлось, так что живи пока, не обижу.

И Зойка не успела натянуть футболку, как гадко, пронзительно завывла сирена оповещения.

Дроны.

— В подвал?

— Подвала нет... — упали Раины слова, как в бочку.

«Или есть, да не про нашу честь?» — подумала Зоя.

— Ты... это самое... В палату иди к беженцам, помогай им там... Как хочешь успокаивай, только чтобы не шумели... и это... на улицу не пытались выйти. Пересидим, чай не впервой.

Так началась Зойкина боевая стража.

Глава 3

Джоанна с нескрываемым сожалением покидала средние ярусы.

Живут же люди! И она могла бы так же жить уже в скором времени. Но сбежала из больницы — а на самом деле от Мэтта. И всё — шанс потерян.

Скоростное метро-фуникулёр уносило её дальше вниз. Уходило солнце, менялась публика, а с ней менялась и сама атмосфера в вагоне: от беззаботной до безнадежной. Джоанна ехала долго, больше часа, и даже смогла занять сидячее место. Теперь можно было позвонить Файги, рассказать, что да как. На работу разрешили не приходить, ведь формально сегодня был день госпитализации. Впереди оставалась ещё половина дня, можно успеть добраться до своего психолога, но Кристи не отвечала ни на звонки, ни на сообщения.

Джоанна позвонила в клинику, где сказали, что Кристи Талер вот уже два дня не выходит на работу и предложили записать её к другому специалисту.

— Хорошо, но пожалуйста, к человеку. И лучше всего к женщине.

Записали, и даже на удобное время. Может, оно и к лучшему. Они с Кристи были почти как подруги, та наверняка уже утратила объективность, советуя ей больше отдыхать и вообще уехать, по возможности, куда подальше. Ну куда она, Джоанна, поедет из Эдена? Она даже не помнит места, где родилась, да и родителей весьма смутно. А сейчас новый специалист как посмотрит свежим взглядом, да как разберётся, да как вылечит!

И вот она на приёме. Обещанный специалист с именем «Гута» на электронном бейдже сидела за столом и, сидя, казалась выше Джоанны стоящей. И в плечах — шире раза в два. Что ж, бывает, не всем же быть хрупкими. Пышная копна завитых волос, яркий макияж — дама явно следила за собой. И судя по неправильным, грубоватым чертам это точно был не андроид.

Послушав жалобы пациентки: про кошмары, провалы в памяти, панические атаки и прочее, — психолог тут же взяла быка за рога.

— Как давно у вас был секс?

— В каком смысле? — оторопела Джоанна.

— Да в любом, — напирала специалист. — Как давно? Месяц, два? Мастурбация не в счёт.

Придётся отвечать честно. Хотя было стыдно.

— Я переехала сюда, в Эден, года полтора-два назад... Всё это время...

Джоанна чувствовала, что вот-вот провалится под землю, точнее под стул.

Гута схватила за щеку и застонала, будто зуб заболел.

— Как же вы держитесь? А ваш муж как к этому относится?

— Н-нет мужа, и не встречаюсь тоже ни с кем...

«Стыд-то какой, — проснулся внутренний критик. — Поз-зорище! Шас начнётся: взрослая женщина, а хуже подростка... о здоровье надо думать... социализация... наши ценности... Это надо просто пережить, лишь бы рецепт выписала...»

К удивлению Джоанны, стыдить её не стали. Психолог выпростала из пышных рукавов свои большие руки и взяла ими ручки пациентки, попутно уточнив:

— Вы ведь не против? Нет? А можно на ты?

Джоанна особо не возражала, надеясь, что специалист вот-вот разродится на что-то конструктивное.

— Поверить не могу, что ты одна. Такая красивая... Но твоему горю можно помочь.

— Вовсе не горе, это мой выбор... осознанный. Типа, «лучше голодать, чем что попало есть...»

— Это всё оправдания. На самом деле в тебе бушует скрытый темперамент, но ты зажата. Ты не даёшь выход своей сексуальности, не прорабатываешь её... Не даришь её окружаю-

щим... Это вот всё твоё — женственность, сексуальность, нежность — это твой дар! Да, это дар, его не надо стыдиться! Но им обязательно надо делиться, как можно активнее делиться, иначе это будет тебя убивать изнутри. Уже убивает!..

— А как сексуальность связана с провалами в памяти? Я слышала, что такие вещи требуют медикаментозного подхода...

— Всё совершенно не так, — мадам Гута с уверенным видом поднялась из-за стола, и, обойдя его, всей своей громадой двинулась к Джоанне. — Существуют практики развития телесности. Тебе повезло, я как раз этим занимаюсь, у меня есть разработанный мною эксклюзивный авторский курс. Ко мне ездят даже из Элиона женщины... Давай заниматься тобой... Ты же пришла ко мне за помощью, так? Хочешь, чтобы стало легче? Так не будем тратить время и попробуем пару упражнений из моего курса прямо сейчас. Как раз успеем. Нет, оплачивать не придётся! Встаём, встаём, не стесняемся, не зажимаемся... Помогаем себе, помогаем...

«Помогание» заключалось в том, что Гута встала за спиной пациентки и, прижавшись к ней всем телом, принялась её активно ощупывать — чтобы «разогнать поток энергии». Далее последовал «лёгкий массаж молочных желёз», однако Джоанна чувствовала себя слишком скованной и отсталой, чтобы оценить мастерство специалиста.

Вдруг она почувствовала что-то совершенно лишнее в этом сеансе. Специалист оказался мужчиной, и к пациентке был явно равнодушен. Вот ведь мошенник!

При его словах:

— А теперь перейдём к массажу вагины, — Джоанна выскочила из кабинета, как ошпаренная.

Добежав до стойки регистратуры, она обратилась к роботу-администратору:

— Мы со специалистом не пришли к конструктивному диалогу, могу я не оплачивать приём?

А за плечом уже послышался уверенный голос:

— Мы прекрасно поладили, мисс берёт мой курс, сегодняшнее пробное занятие было бесплатно.

— Ничего я у вас не беру, — неожиданно для себя отрезала Джоанна и снова обратилась к администратору: — Скажите, где Кристи Талер и когда она выйдет?

— Мисс Талер, к сожалению, больше у нас не работает, — бодро сообщил робот. — Могу я записать вас к другому специалисту?

— Как не работает? А где она теперь работает? Может быть, есть информация, а то я сама никак не могу с ней связаться?

— Я сейчас уточню. Да, к сожалению, абонент действительно заблокирован.

— По причине?..

— Уточняю информацию... Номер заблокирован органами правопорядка для проведения дознания...

— В смысле?

— Дознание — это процессуальные действия, направленные...

— Стоп, вы можете мне сказать, что случилось с Кристи Талер?

— Уточняю информацию... Кристи Талер была найдена мёртвой в своей квартире двадцать восемь минут назад. Предварительная причина смерти — суицид.

Джоанна стояла оглушённая.

Как так? Кристи? Она же сама всегда улыбалась и возвращала другим способность улыбаться! Она учила её, Джоанну, выживать здесь, в беспощадном и суетливом Эдене, а теперь с кем ей поговорить, у кого спросить совета?

— Мисс, у вас будут ещё вопросы? Если нет, то, пожалуйста, оцените ответ по пятибалльной шкале, где пять — вопрос полностью решён, четыре — вопрос решён, но не полностью...

Джоанна, не слушая больше, побрела к выходу, а в спину ей доносилось:

— Возвращайтесь, мисс, если вы не готовы сразу раскрыться, мы можем изменить порядок упражнений!..

— Оцените работу администратора по пятибалльной шкале, где пять — полностью удовлетворён, четыре...

Кайто спал мало, вставал рано, в любую погоду совершал пробежку в верхнем парке, принимал душ, завтракал — в общем, совершал все, казалось бы, простые человеческие действия. За исключением того, что кристально чистая вода, которой он мылся, стоила как расплавленное золото, за погодой в парке следили специальные дроны, а продукты, из которых ему готовил личный повар-андроид новейшего поколения, и вовсе нельзя было купить в магазине. Их доставляли специальными рейсами с востока, говорили даже, что из-под купола.

Окончив завтрак, молодой человек отправился в гардеробную, где выбрал себе наряд: выцветший чёрный худи, джинсы с трудной судьбой и потрёпанные кеды. Закрыв недлинные выющиеся волосы капюшоном, он надел солнечные очки, которые набрасывали на глаза, лоб и нос цифровую тень-маску, делавшую лицо неузнаваемым для городских камер.

В таком виде Кайто покинул свою квартиру на крыше мира, сел в такси и долетел, сменив три машины, до самой южной окраины Эдена. Оставалось спуститься фуникулёром на пару сотен уровней вниз, пройти несколько тёмных улочек, мощёных мусором, блевотиной и бесчувственными телами людей «под газом», а потом снова спуститься, уже ногами, под землю ещё на десяток этажей.

Пружинистым шагом, как будто и не было этих двух часов пути, Кайто прошёл едва освещённым, вонючим коридором, нашёл неприметную пластиковую дверь и постучал в неё условным стуком.

Ему открыли и проводили внутрь плохо освещённой комнаты, скудно обставленной коробками, тюками, ящиками — любым хламом, способным выполнять функцию мебели. На них сидело и лежало несколько подземных жителей с бутылками в руках. Горький дым от курева едва перебивал тяжёлый дух немытых тел. Одна из фигур быстро поднялась навстречу Кайто и порывисто обняла его.

Она была невысокая, жилистая. Смуглое лицо, плечи широкие, бритые виски, затылок и брови, карие глаза, твёрдый взгляд из-под выющейся чёлки, крупные неправильные черты. Суровая, часто грубая, бесцеремонная, бескомпромиссная, но — настоящая. Полная противоположность тюнингованным красоткам из верхнего мира и секс-андроидам с идеальными телами и лицами.

Позывной «Ракша»... Она уверена, что Кайто знает только его. Ну и пусть себе думает так. Сам он назвался ей Джонни, и больше она ничего о нём не спрашивала. Ракша берегла свою независимость, не терпела контроля и никаких обязательств, так что и отношения у них были свободные.

— Рановато вы проснулись сегодня, — заметил он, обводя взглядом ковёр из окурков и пустых бутылок на полу.

— А мы ещё не ложились, — ответила она с коротким смешком.

Получив несколько пятонок от разомлевших обитателей подвала и бутылку дешёвого пива, Кайто опустился на тюки. Ему отсалютовали открытыми бутылками.

— Что отмечаете? — спросил он, отхлебнув.

— Нам кредитов подвезли, — Ракша упала рядом и прижалась к нему. — Есть план, будет большое дело. Дино, расскажешь?

Худой и нескладный, чудаковатого вида мужчина с позывным «Дино» был главой Подполья. Единственный из повстанцев, который посмотрел все части образовательного цикла «Теория и практика социальной борьбы» в даркнете, он страшно гордился своей осведомлённостью

и часто приводил цитаты из фильма. Он даже постил в общий чат Подполья духоподъёмные шорты, нарезанные из этого самого фильма. Его уважали, ему верили.

Кайто знал, что Дино был не первый позывной этого человека. Ради общего дела, тот не раз менял не только имя, но и внешность, национальность, пол и ориентацию, благо список из 50 разрешённых гендеров предоставлял широкий выбор для конспирации. Для Ракши Дино был кумир, учитель, друг, брат и много ещё что. Усилиями Дино в подполье поддерживался дух свободы, и он часто повторял, что «религия, право, мораль — это иллюзии, которые служат обману угнетённых».

Дино, похоже, как и все, принял на грудь уже немало. Хотя и пытался не сболтнуть гостю лишнего, всё же поведал, что состоялась долгожданная встреча с кураторами и им передали «достаточно криптокредитов, чтобы взорвать все отделения полиции в этом городе».

Кай, по понятным причинам, не верил в свободу угнетённых, не разделял идеалов революции и в глубине души презирал Дино, равно как и других подпольщиков. Все, кто действительно чего-то стоил, были либо уже мертвы, либо сбежали. И Кайто знал это наверняка, поскольку подростком Герберт Штольц водил его на допросы и показывал пытки задержанных, дабы внук ценил своё положение. И он ценил. Инъекции страха и жестокости, полученные тогда, действовали на него достаточно долго.

Однако те времена утекали всё дальше, а жизнь небожителя длинна и куда как скучна. Перепробовав все доступные ему удовольствия, Кай стал искать опасных приключений и тогда повстречал Ракшу. Она была заводная, дерзкая, страстная, ему нравилось трахаться с ней. При этом наблюдать за её забавными глуповатыми друзьями и иногда участвовать в их рискованных предприятиях было чем-то вроде приятного бонуса.

— Ты совсем серая стала в этом подземелье, — заметил он, оторвавшись от её пропитанных дымом губ. — Давай хоть витамины принесу. И ещё если надо чего.

— Да у нас теперь есть бабосы, мы сами всё купим! — расхохоталась Ракша. — А пилюли нам Мозгоправ подгонит, как всегда, и мы с ней расплатимся, наконец. Мы охереть сколько ей должны. Она свой человек!

— Не то, что я, да?

— Дурак, прекрати, — и Ракша жадно поцеловала его в губы.

Потом отбросила опустевшую бутылку, забралась верхом ему на колени и задрала майку, открыв упругие груди. Кайто откинулся на спину, отдаваясь ей целиком.

Здесь было не принято уединяться. Здесь все были свои.

Свобода с запахом латекса и косяка...

— Понимаете, мне снятся кошмары, а ещё я вчера потеряла сознание и попала в больницу, и мне теперь нужны деньги, и я много не помню, что должна, а помню то, что как бы не должна, — Джоанна торопилась уместить свои проблемы в первые десять бесплатных минут онлайн консультации, да ещё чтобы время на ответ осталось, — А ещё погибла моя приятельница, подруга, можно сказать, и я теперь даже не могу прийти на кремацию, потому что у меня нет контактов её родных... Всё.

— Мисс, вы задаёте слишком много вопросов сразу, — неторопливо отозвалось равнодушное лицо незнакомки на экране. — Многие из них и вовсе не по моему профилю. Остановитесь на чём-то одном.

— Хорошо, провалы в памяти, остановимся на них, — с готовностью согласилась Джоанна.

— Эти ваши провалы, они появились после травмы?

— Причём здесь травма?

— Вы же были в больнице?

— Нет, то есть да, была, но...

— Уведомляем вас о начале платного раздела консультации, — вмешался вдруг искусственный голос. — Стоимость составит пять кредитов за минуту, эта сумма будет списана с первой секунды каждой минуты, спасибо!

На десятой платной минуте Джоанна закрыла мессенджер. Теперь она должна ещё пятьдесят кредитов просто за то, что ей десять минут задавали разные глупые вопросы. А ведь это её зарплата за два, сука, рабочих дня!

«Отлично, самое время искать, где тут поблизости могут раздавать бесплатную еду», — с горечью подумала Джоанна.

На сайт социальной службы она зашла не зря. Оказывается, есть какая-то группа психологов-волонтеров, которые общаются совершенно бесплатно и даже могут помочь советом. Правда, предложение адресовано только людям с зависимостями или суицидальными мыслями.

«Ну вот, ещё немного — и я запью или повешусь,» — подумала Джоанна и отправила заявку.

Была уже ночь, когда с ней, наконец, связались. Она уж и не ждала этого, просто боялась лечь спать.

Пользователь со странным мелодичным ником «Кангаедзуни» отправил ей приглашение в чат.

Kangaezuni: Как к вам обращаться?

Джоанна несколько раз начинала писать своё имя и каждый раз стирала ещё до отправки. Наконец, она набрала:

Joyrider: Ляля.

Kangaezuni: Ляля, выберите тему нашего общения: самоубийство, зависимость.

Joyrider: Ни то, ни другое, просто я одна и мне страшно.

Пишет, пишет... Джоанна устала ждать, когда уже её пошлют куда подальше. Наконец, появилось сообщение:

Kangaezuni: Вы осознаёте, что занимаете чат, в то время, как кто-то может нуждаться в реальной помощи?

Joyrider: Понимаю. Мне как раз нужна реальная помощь.

И вдогонку, пока он не вышел из чата:

Joyrider: Пожалуйста, посоветуйте, хотя бы, куда мне обратиться: у меня панические атаки и провалы в памяти.

Kangaezuni: Обратитесь к психиатру.

«И во сколько мне это встанет?» — внутренне возмутилась Джоанна и написала:

Joyrider: Так ведь и с зависимостями, и с суицидальными мыслями людей тоже обычно направляют к психиатру. Чем я-то хуже?

Написала — и, подумав, стёрла. Несмотря на то, что сообщение было уже прочитано. Вместо этого отправила:

Joyrider: Я пью.

Joyrider: На самом деле.

Joyrider: Это так и есть.

Joyrider: Теперь нормально?

Kangaezuni: Очень хорошо, рад за вас, только попробуйте в дальнейшем не разбивать одну мысль на несколько сообщений.

И вдогонку — цветочек, видимо, чтобы смягчить наставительный тон.

Joyrider: А вы точно психолог?

Kangaezuni: Точно больше, чем вы — алкоголик. Жалуйтесь, я весь внимание.

И тут Джоанна поняла, что не знает, с чего начать. Чтобы не висеть без дела, она так и написала:

Joyrider: Столько всего навалилось. Я не знаю, с чего начать.

Kangaezuni: Начните сначала, и продолжайте, пока не дойдёте до конца. Тогда остановитесь *корона*.

Джоанна невольно улыбнулась, послала смеющийся смайл и подумала:

«Точно не нейронка, у них с внезапным юмором беда».

Joyrider: В том-то и дело, что я не знаю начало. Оно лежит где-то на дне провала в памяти.

Kangaezuni: *смех* Тогда начните с конца.

Joyrider: Погиб дорогой мне человек.

«Нет, щас всё не так поймёт».

Joyrider: Мой психолог.

Joyrider: Суицид.

Joyrider: Так мне сказали.

«Боже мой, просили же не писать обрывками!»

Joyrider: Простите, опять я разбила мысль.

Джоанна прибавила грустный эмодзи, чтобы показать уровень своего сожаления.

Kangaezuni: Всё ок. Примите соболезнования.

Joyrider: Она была такая хорошая. Всегда выслушает, поддержит.

Joyrider: А вдруг это я её так перегрузила?

Joyrider: Своими проблемами?

Kangaezuni: *лук и стрелы* Я только что убил вашего внутреннего критика. Через полчаса приедут люди от меня и помогут вам избавиться от тела.

Kangaezuni: А если серьёзно, то по моим наблюдениям, в психологию идут, в первую очередь, для того, чтобы разобраться в себе. Не всем это удаётся.

Джоанна задумалась было, но вовремя вспомнила, что идёт консультация.

Joyrider: А ещё я сегодня ходила на приём, и меня там домогался... домогалось... неважно, короче, не знаю *рукалицо*.

Кангаедзуни пишет... долговато: видимо, стирает и опять пишет... похоже, бомбит Кангаедзуни, только вопрос: а на чьей он стороне?

Наконец, прилетело вполне нейтральное:

Kangaezuni: Вы не виноваты. См. то, что я написал выше: «Не всем это удаётся»

Kangaezuni: Вы вправе пожаловаться на него в администрацию клиники.

Joyrider: Не буду я жаловаться, я даже не гражданка Эдена, живу тут по временному удостоверению.

Kangaezuni: Всё равно вы имеете право пожаловаться.

Joyrider: Я, наверное, не хочу. Я просто туда больше не пойду.

Kangaezuni: Уходите от конфликта? Боитесь быть неудобной?

Joyrider: Давайте сменим тему.

Joyrider: Вчера у меня была паническая атака на корпоративе.

Joyrider: Был какой-то очень громкий звук, будто взрыв.

Joyrider: Перед этим Патрик, наш начальник, долго пытался открыть бутылку шампанского.

Kangaezuni: Жесть, я и сам всегда пугаюсь, когда криворукие берутся за шампанское. Предпочитаю брать на себя этот опасный труд *смех*.

Joyrider: Это не шутка, я потеряла сознание, очнулась в больнице.

Kangaezuni: А почему вы думаете, что это была просто ПА? Вас обследовали?

Joyrider: Да, мне сказали, что полностью.

Joyrider: Ничего не нашли.

Joyrider: Сказали, что у меня красивый мозг.

«Господи, я что — флиртую?» — ужаснулась Джоанна и тут же удалила последнее сообщение. На экране показалось нечто похожее на *капли*, но тут же исчезло.

Границы восстановлены.

Kangaezuni: *думает* Знаете что, Ляля. Вам надо поспать. Уже очень поздно. Завтра продолжим.

Joyrider: Я не буду спать.

Joyrider: Прошлой ночью мне снился такой страшный кошмар, такой реальный.

Joyrider: Будто меня убили.

Joyrider: Теперь я боюсь засыпать.

Kangaezuni: Есть успокоительное дома?

Joyrider: Нет, дорого, и я не курю

Но тут же быстро отредактировала, оставив просто «нет».

Kangaezuni: Есть хотя бы алкоголь?

Joyrider: Тоже нет.

Kangaezuni: Безобразие, а говорили, что пьёте.

Kangaezuni: Тогда молока, если есть, чаю, воды — что угодно тёплое попейте, залезьте под два одеяла, включите звуки природы.

Kangaezuni: Я отключаюсь, обещаю, что ляжете спать.

Joyr

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.